

*В алом шолковом платочке,
В черном бархатном картузе.*

Строки, взятые курсивом, у Гурьянова опущены, что уничтожает впечатление щегольства хозяйского наряда.

В конце 19 века песня стала петься с другим окончанием. Вместе Алениного подворья, является Настасьино, и конец, начиная словами «Аленушка выходила», заменяется словами

Ах, Настасья, ты Настасья,
Отворяй ка ворота!
— Я бы рада, отворила:
Буйный ветер в лицо бьет,
Частым дождичком сечет.
Буйный ветер в лицо бьет,
Огворить мне не дает.

Усиливая картину бури, такое окончание совершенно изменяет первоначальный смысл песни. Все, что касается одевания гребцов и хозяина лодки сильно сокращено; про первых сказано только, «на гребцах шляпы пестреют», что разрушает впечатление зажиточности хозяина судна, напротив, получается впечатление, что головные уборы у них самые разнообразные и одеты они кто во что горазд. Одежде хозяина посвящено только две строки «Сам хозяин во наряде, в черном бархатном кафгане»; об одежде содержательницы подворья ничего не говорится. Самое обращение хозяина к гребцам по языку проще, чем в первоначальном тексте: У Чулкова:

И мы грянемте, ребята,
Вниз по матушке по Волге,
Ко Аленину подворью
Ко Ивановой здоровью.

А в песеннике «Баянист» 1931 г.:

Поворачивай, братцы-ребята,
Ко Настасьину подворью.

Утрачивая сословные черты, песня начинает бытовать в более широком кругу. Эта утрата прямых указаний на сословие — явление обычное в песнях. Так напр., в песне «Капитанская дочь», не ходи гулять в полночь», слово «Капитанская» заменено было